

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В РОССИИ

«В РАЗНЫХ ГРАДСКИХ СЛУЖЕНИЯХ»: УЧАСТИЕ МЕЩАН В СИСТЕМЕ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (по материалам Пермской губернии)

Е.Ю. Лебеденко

Гуманитарный университет
ул. Студенческая, 19, Екатеринбург, Россия, 620049

Данная статья посвящена проблеме участия мещан в системе городского самоуправления в дореформенный период — конец XVIII — первая половина XIX в. Автор рассматривает работу таких сословных органов, как «Общество градское» и «Посадская община», с точки зрения вопроса их компетенции и условий членства. В статье проводится сравнительный анализ деятельности мещанских обществ в различных городах России и отмечается высокий уровень активности мещанства в деле местного управления.

В отечественной исторической науке вопросам функционирования системы городского самоуправления дореформенного периода посвящено немало работ (1). В последнее время наблюдается стабильный интерес ученых к данной проблематике в ряде регионов, в частности, на Урале. Активно изучаются вопросы организации и деятельности органов городского самоуправления (2). В то же время недостаточно разработанной остается проблема участия городских сословий в системе городского самоуправления в конце XVIII — первой половине XIX в. При этом если роль купечества рассматривается в литературе, то участие мещан — самого крупного сословия российских городов — изучено в наименьшей степени.

Административные реформы конца XVIII в. (губернская реформа 1775 г. и Городовое Положение 1785 г.) привели к трансформации управления на местах. Была выстроена иная система городского самоуправления; расширились возможности участия в ней городских обывателей, в т.ч. мещан (3). Согласно Городовому положению 1785 г., «городские обыватели» получили дозволение собираться и составить «общество градское», за которым признавались права юридического лица (ст. 29, 39—42) (4). «Обществу градскому» было разрешено

иметь дом для собраний, архивы, печать с городским гербом, собственного пиваря и «особливую казну». Последняя составлялась «добровольными раскладками» обывателей и употреблялась «по общему согласию» «общества» (ст. 39—42). В то же время городские общества не могли использовать городские деньги «сверх положенных расходов» и самостоятельно «делать новых издержек сами собою» (ст. 154). Впрочем, обществам позволялось сообщать губернатору о своих общественных нуждах и пользах (ст. 36, 154) (5).

Общество могло просить о переизбрании выбранного ранее. Например, по приговору градского общества г. Ирбита и указу наместнического правления в третьем трехлетии «за непорядочное его поведение и поступки» был отстранен от должности градской голова Шестаков М.Ф. (6).

Обществу градскому позволялось исключить из общества гражданина, который опорочен судом (ст. 52). При внесении семьи в городскую обывательскую книгу «на волю общества» отдавалось право решения, должна ли каждая семья внести специальный сбор в городскую казну и в каком размере (но не выше 100 руб.). Данный вопрос мог обсуждаться на общественном сходе в отношении каждой семьи лишь однажды (ст. 72). По сочинении городской обывательской книги городской голова с депутатами должны были внести городскую обывательскую книгу в общество гражданское, где ее следовало прочесть «для общего сведения». Также по требованию градского общества можно было огласить и протоколы градского головы с депутатами, «чтобы общество... усмотреть могло порядочное производство» (ст. 74). Если кто-то, не внесенный в городскую обывательскую книгу, приобретал в собственность строение, место или землю в городе, то ему следовало при первом сходе общества просить о внесении его в обывательскую книгу города. Если обществу градскому было известно и сомнения о состоянии того человека оно не имело, то проситель вносился в данный документ «без справок» (ст. 76) (7).

Общество получило представительство в виде собрания общества градского, общей и шестигласной дум. На «собрании общества градского» каждые три года следовало выбирать городского голову, бургомистров и ратманов. Аналогичным образом, но «всякий год», осуществлялись выборы градских старост и словесных судей (ст. 31). Кроме того, купцы и мещане губернского города чрез всякие три года избирали заседателей губернского магистрата и совестного суда (ст. 32). В собрании «общества градского», таким образом, конституировался, как считает В.В. Рабцевич, прежний общегородской сход жителей с функциями типа учредительных (8).

Собираться городским обывателям следовало по приказанию и дозволению губернатора всякие три года в зимнее время (ст. 30). Обычно для осуществления выборов на новое трехлетие в городах Пермской губернии оно созывалось осенью (в сентябре—октябре) (9). Выборы же городского старосты, словесных судей и выборных проходили ежегодно в декабре. Если возникала необходимость (в связи с невозможностью кандидата выполнять обязанности), собрание градского общества созывалось «в неурочное время» и заменяло у должности (например, аукционистской) до конца трехлетия (10).

В состав собрания должны были входить только граждане, достигшие 25 лет и обладавшие капиталом, процентные отчисления с которого составляли не менее 50 рублей в год (ст. 49, 50) (11). Таким образом, здесь должны были собираться представители наиболее обеспеченной части городского населения. Обществу градскому было также запрещено избирать для тех должностей, которые «по силе Учреждений выбором наполняются», мещанина, который в том городе не имеет капитала, с которого % ниже 50 руб. и который моложе 25 лет (ст. 49). В обществе градском мог присутствовать бескапитальный мещанин моложе 25 лет, но он не должен был ни голоса иметь, ни выбран быть не мог «для тех должностей, которые наполнялись обществом градским» (ст. 50—51).

Но в примечании к ст. 50 оговаривались условия, при которых данное правило игнорировалось. Запрещение в статьях 49 и 50 «о неизбрании мещанам, не имеющим капитала», касалось тех городов, в которых «такие капиталы в гильдиях находятся, а где оных нет, там дозволялось и меньше капитал имеющим голос иметь и таковых же избирать» (см. примечание к ст. 50).

В крупных городах необходимым требованиям к выборщикам и кандидатам соответствовало более купечество, нежели мещанство. В тех городах, где отсутствовали крупные капиталы, допускалось участие в выборах с правом голоса и менее состоятельных граждан. Мещане же, в большинстве своем, были небогаты, поэтому активно участвовали в выборах в небольших городах губернии (в начале XIX в. в гг. Ирбите, Шадринске; с 1810—20-х гг. в гг. Красноуфимске, Осе). В уездных городах, где материальная обеспеченность населения была ниже, право выбора в должности по местному самоуправлению предоставлялось тем, кто получал доход ниже установленного.

Процедурными вопросами на собрании общества градского ведал городской голова. Для учета выборщиков города предусматривалось составление именных списков.

О составе собрания градского общества Екатеринбурга можно судить, исходя из сообщений городского головы и городского магистрата. Так, в сентябре 1787 г. в городе проходили выборы заседателей в губернский магистрат и бургомистров и ратманов в городской. Сначала городской голова запросил екатеринбургский магистрат о присылке к нему «списка купцам и посадским». После сочинения «тот требуемый список здешнему гражданству» был отослан к градскому голове при сообщении, в котором присутствующие напоминали, что «список наперво должно прочесть обществу градскому для соображения». Если же на собрании обнаружатся «которые написаны в том списке гражданина бескапитальные и моложе 25 лет», с теми «должно поступить по силе 51 статьи Городового положения» (12).

Законодательно особо оговаривались условия, которым должны были соответствовать заседатели в суды. Их следовало выбирать мещанством из мещан, на месте живущих, или из тех, которые в городской обывательской книге того города написаны суть, но неотлучны по торгу и промыслу бывают (ст. 33).

Непосредственно сам выбор должен был осуществляться по баллам (ст. 30—32). Если выбор всего мещанства по баллам оказывался «продолжителен и не-

удобен», тогда обществу градскому дозволялось собираться каждой городской части (ст. 35). Выборы городского головы, бургомистров, ратманов, словесных судей, выборных и старосты осуществлялись путем «баллотирования».

О проведении ежегодных декабрьских выборов на должности градского старосты, словесных судей и выборных в магистрате сразу же («по рассуждению») сообщали градскому голове (13). В г. Ирбите на декабрьских выборах, кроме того, каждые три года избирали на должность старосты и депутата для составления городской обывательской книги. В Красноуфимске в декабре 1802 г. городской магистрат предписывал градскому старосте собрать всех купцов и мещан города к градским делам и велеть назначить им «из между себя» кандидатов. После окончания непосредственной процедуры выбранных на должности городского старосты, словесного судьи и выборных надлежало представить в магистрат «с выборщиками при регистре» (14).

Мещане исправляли должность градского старосты исключительно в небольших городах; в крупных, таких как Екатеринбург, эту должность занимали обыватели «из купечества» (15). Они же выбирались в качестве сотников в г. Осе и д. Шарташской (16).

Словесные судьи и выборные также принадлежали к местному купечеству (17). Заседавшие в городском магистрате и сиротском суде бургомистры и ратманы, как правило, выбирались из представителей местного купечества (18). Позднее, в 1810—20-е гг., в связи с «упадком купечества», должности третьего и четвертого ратманов в крупных городах нередко занимали мещане. Ранее, как отмечают исследователи, самыми ответственными выборными постами, которые занимали екатеринбургские мещане, были думские гласные и смотрители над торгующими и общественными весами. В 1810-е гг. купцы, стремясь избежать выборов на должности, начали утаивать капитал и переписываться в мещане (19). Поэтому на некоторые ответственные посты приходилось выбирать кандидатов из мещан. В Красноуфимске, начиная с 1810-х гг., даже градской голова избирался из мещан.

Тем не менее, в тех городах, где сильно было купечество, все значимые должности контролировали представители данной сословной группы населения. В г. Екатеринбурге местные мещане не участвовали в выборах городского головы с 1811 г. (20).

Помимо собрания общества градского продолжал функционировать прежний посадский сход. Посаду формально не предоставлялось самоуправление: собрания предусматривались для всего городского «общества», отдельно для сословных групп (купеческой, мещанской и цеховой), а также по частям города (для «настоящих городских обывателей»), общих же для купцов, мещан и цеховых по закону проводить не полагалось. Однако на практике в крупных городах такие сходы или собрания представителей всех сословных общин посада все-таки проводились (21). Роль общепосадского схода выполняли иногда и собрания общества градского. Высокие цензовые требования фактически ограничивали его состав членами посадской общины.

Мещане, наряду с местным и иногородним купечеством и ремесленниками, входили в состав тяглой посадской общины и, соответственно, принимали участие в ее сходах.

Отметим, что в больших городах самостоятельно действовали сословные общины купцов, мещан и цеховых. В малых городах посадская община не имела внутреннего деления. К середине XIX в. в таких городах, как Дедюхин, Алапаевск, Далматово, Оханск, существовали только посадские общины, в которых объединялись купцы, мещане и ремесленники. В конце XVIII в. крупные мещанские общества (по городу числилось более 1 тыс. мещан) действовали в таких городах, как Екатеринбург, Пермь, Соликамск, Чердынь, Кунгур и Верхотурье. В остальных городах функционировали общие сходы. К середине XIX в. мещанские общества утвердились в гг. Дедюхине, Алапаевске, Далматове и Оханске.

На общепосадском сходе решались вопросы приема и увольнения из общины, раскладки и сбора податей, рекрутских наборов, выборов в градские службы (кроме вышеперечисленных) и др.

Прием в члены посадской общины в тех городах, где не было отдельных объединений купцов, цеховых и мещан, осуществлялся общим собранием (22). В других случаях этот вопрос обсуждался вначале на сходе мещан или цеховых (23). Собиралось оно по приглашению мещанского старосты или сотника (г. Оса) (24).

В XIX в. мещанское общество Екатеринбурга решало самостоятельно такие вопросы, как исключение и принятие в мещанство города (25). При рассмотрении такого рода вопросов общество волновала главным образом платежеспособность (как тех, кто стремился записаться, так и увольняемых из общества (26)). При этом мещане, как заинтересованная сторона, подходили к решению вопроса о членстве в посадской общине с принципиальных позиций, отстаивая прежде всего интересы плательщиков податей.

Посадская община осуществляла перераспределение податей. На сходе в декабре 1798 г. купцы, мещане и цеховые г. Екатеринбурга совместно решали вопрос о раскладке на градское общество «суммы на гражданские расходы» (27). Мещане, «будучи в собрании», могли принимать решения о частичном перераспределении общественных средств — об использовании «для внесения в казну подушных сборов за незаплаченных несостоятельными мещанами и за выбылых» тех денег, которые остались у мещанского сборщика (28). Мещанское общество Екатеринбурга постановило в 1798 г. уплатить за престарелых, неимущих, умерших, в рекруты отданных и малолетних мещан подушную подать. Причем те, кто визировал приговор, указывали — «мы за оных... недоимку приемлем на себя» (29). Сход «мещан и цеховых» мог самостоятельно функционировать и в ряде других случаев.

Приговор от градского мещанского общества предписывал сборщику получить подушные деньги за мещанина И. Шишова от мещанина Д. Харитонова (30). Другой мещанин г. Екатеринбурга подал в магистрат прошение, в котором просил избавления от мирских тягот (за исключением платежа подушной) «по не-

имуществу». Магистрат постановил отдать данный вопрос «на рассмотрение и уважение общества» и отправил указ городовому старосте (31). «В общественном от здешних мещан приговоре» было высказано решение об отказе в просьбе мещанина П. Медведева (32).

«С общего согласия» «градского общества купцы и мещане» выбирали в различные градские службы, начиная от раскладчиков и сборщиков податей и заканчивая посыльными и сторожами (33). Руководил выборами «в разные градские служения» градской староста. О выборе в прочие служения ему предписывалось указом из местного магистрата. В начале XIX в. мещане Екатеринбурга осуществляли выборы в общественные служения (оценщиков, смотрителей над торгующими, рассыльчиков, сторожей и др.) самостоятельно (34). Сход «мещан и цеховых» мог самостоятельно переизбрать ранее выбранных на маловажные должности общим сходом (35). Пять членов посада, выбранные в рассыльщики общим сходом в 1787 г., были переизбраны вышеупомянутым собранием без участия купечества по причинам, которые не были приняты во внимание общим сходом: неочередность, болезнь или бедность (36). Исключительно на собрании мещан утверждалась кандидатура сборщиков окладов с мещан и цеховых (37).

Такого рода выборы проходили по «узаконенному обыкновению со общего согласия» («на голосах») (38). Непосредственно в выборах участвовали лишь т. наз. «выборщики» (39). Если делегировались полномочия на занятие ответственного поста («старшины к отводу квартир», выборного к казенным магазинам), то в «рукоприложении» под определением ставили свои подписи многие выборщики. Рассыльщики и сторожа, исполнявшие свои обязанности по договору найма, утверждались даже небольшим количеством голосов.

Ежегодно «в городские службы» выбиралось от 20 до 40 человек (в зависимости от потребностей города), причем со временем (в XIX в.) число занятых на общественных должностях увеличилось (40). Мещане обычно находились «в служении» в качестве посыльных и сторожей, кладовщиков, раскладчиков и сборщиков налогов, а также третьих и четвертых оценщиков, хранителей и смотрителей над торгующими (41). Всего «на замещение» для определения в должность в январе 1787 г. в магистрат г. Екатеринбурга было представлено 30 человек (42). Однако впоследствии из тридцати выбранных в общественное служение по тем или иным причинам было заменено 14, т.е. сменилось 46,6% от первоначального состава выбранных (43). Основная масса замен была произведена в результате найма (больше половины). Частично это было связано с тем, что выбранные проживали за пределами города и не имели возможности находиться в городе постоянно (44). Впрочем, данная причина была актуальна не только для общества Екатеринбурга (45). Нередко выбранных в общественное служение заменяли нанятые по договору мещане (46). По найму мещане могли заменять квартирмейстера, присяжного свидетеля в суде, раскладчика и сборщика подушных и общественных денег (47).

Обычно выбор осуществлялся в порядке очередности. Однако те, кто не могли «находиться в должности», но имели возможность выплатить денежную ком-

пенсацию, вносили определенную сумму (около 100 рублей), которую общество использовало для найма «в то служение» другого гражданина (48). На замене выбранных, если те некогда «были в преступлениях» или находились под судом в настоящее время, мог настоять городской магистрат. В таком случае «выборщиков» обязывали «вместо негодных в служение выбрать других, неподозрительных» (49).

Исключительно к компетенции мещанского общества принадлежали вопросы, которые были связаны с проведением рекрутских наборов: выборов рекрут с подставными, отдатчика с караульщиками, сбор денежных средств, которые необходимо было выделить на отправление и снабжение рекрутов (50). Избрание к отдаче должно было происходить только «общественным согласием» и обязательно скрепляться общественным приговором (51). Распространен был найм, причем общество должно было одобрить замену и дать приговор «об отдаче за семейство ...в рекруты другого мещанина» (52). Если нанятый кандидат принадлежал к другой сословной группе (например, купечеству), требовалось согласие того общества, к которому он принадлежал (в данном случае — купеческого). По вопросу о позволении купеческому сыну по найму (вместо одного из мещан) идти в рекруты потребовался приговор, данный от екатеринбургских купцов и мещан (53). Рекрутскую очередь на своих детей и внуков можно было заменить, внося деньги «в общественную сумму». В данном случае мещанское общество также давало свое согласие (54).

Мещанское общество давало разрешение на выдачу паспорта «позаочно» при длительном отсутствии здешнего мещанина (55).

Одним из важнейших общественных постов, которые занимали мещане, были посты гласных в городской думе, ведавшей административно-хозяйственными вопросами в городе. В общую думу выбиралось по одному мещанину от каждой городской части, в шестигласную попадал лишь один представитель мещанства. Впрочем, мещане также могли быть выбраны в качестве представителей от категории «настоящих городских обывателей».

В качестве вольнонаемных служителей «у письменных дел» в думе, городском магистрате, словесном и сиротском судах (в качестве подьячих, повытчиков, писцов) находились также в основном представители местных мещан и цеховых (56). В г. Перми и Екатеринбурге конкуренцию им составляли грамотные разночинцы.

В городских работах (сотниками или трубочистами) могли служить посадские, вынужденные в принудительном порядке ежемесячно выплачивать долги кредиторам (частному лицу или государству) (57). Жалованье в ноябре 1806 г. находящимся в полиции и частях города рассыльщиками, сторожами, трубочистами, состоящими под неоплатными долгами, было начислено двенадцати екатеринбургским мещанам (58).

Таким образом, можно заключить, что мещане в данный период принимали посильное участие в местном управлении. В рамках складывающейся системы местного управления они занимали «низовые» должности, обеспечивая функ-

ционирование городской инфраструктуры. Часть из них, наиболее уважаемые и обеспеченные, принимали участие в решении вопросов, которые затрагивали непосредственно их сословные интересы, в частности, на собраниях мещанских обществ. В небольших городах губернии мещанство более активно было задействовано в работе системы самоуправления, решая все существенные вопросы. В целом участие мещан в органах городского самоуправления было достаточно заметным. В то же время по степени влияния на принятие важнейших решений в жизни города, в особенности крупного, мещане Пермской губернии значительно уступали купцам и чиновникам.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См., например: *Рабцевич В.В.* Сибирский город в дореформенной системе управления. — Новосибирск, 1984.
- (2) См.: Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII — начале XX в. / Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. — М.: Наука, 2003; Апкаримова Е.Ю. Сословные корпорации в городах Урала (конец XIX — начало XX в.). — Екатеринбург, 2004.
- (3) Она включала в себя городской магистрат, словесный и сиротский суды, общую градскую и шестигласную думы. См.: Городовое положение. — Ст. 156—178. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ I). — СПб.: Сенатская типография, 1830. — Т. 22. — № 16188. — С. 382—383.
- (4) ПСЗ I. — Т. 22. — № 16188. — С. 381.
- (5) См. Городовое положение 1785 г. — Статья 37 «Обществу градскому запрещается делать положения, противные законам». — ПСЗ I. — Т. 22. — № 16188. — С. 382.
- (6) Государственный архив Свердловской области (далее — ГАСО). — Ф. 644. — Оп. 1. — Д. 13. — Л. 56 об.
- (7) См. Городовое положение 1785 г. — ПСЗ I. — Т. 22. — № 16188. — С. 382.
- (8) *Рабцевич В.В.* Сибирский город в дореформенной системе управления. — С. 133.
- (9) Новое трехлетие отсчитывалось с 18 октября во всех городах губернии.
- (10) ГАСО. — Ф. 106. — Оп. 1. — Д. 167. — Л. 308 об.
- (11) ПСЗ I. — Т. 22. — № 16188. — С. 360. Впрочем, в примечании к статьям 49 и 50 оговаривались условия, при наличии которых правом голоса наделялись и другие городские обыватели.
- (12) ГАСО. — Ф. 106. — Оп. 1. — Д. 39. — Л. 23 об.
- (13) ГАСО. — Ф. 106. — Оп. 1. — Д. 169. — Л. 576.
- (14) Государственный архив Пермской области (далее — ГАПО). — Ф. 17. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 188.
- (15) ГАСО. — Ф. 106. — Оп. 1. — Д. 167. — Л. 11 об. В небольших городах на этих должностях служили мещане.
- (16) Там же. — Д. 169. — Л. 455.
- (17) Там же. — Д. 46. — Л. 3 об. — 4.
- (18) Там же. — Д. 38. — Л. 58; Д. 46. — Л. 49, 132 об., 179.
- (19) *Корепанов Н.С.* В провинциальном Екатеринбурге (1781—1831 гг.). — Екатеринбург, 2003. — С. 116.
- (20) О выборах в Екатеринбурге был издан специальный указ Сената (21 окт. 1810 г.), которым предписывалось выбирать городского голову исключительно из местного купечества). См. *Корепанов Н.С.* В провинциальном Екатеринбурге. — С. 96—98.

- (21) Рабцевич В.В. Сибирский город в дореформенной системе управления. — С. 109, 110.
- (22) ГАСО. — Ф. 106. — Оп. 1. — Д. 169. — Л. 429 об.
- (23) Рабцевич В.В. Указ. соч. — С. 105—106.
- (24) ГАСО. — Ф. 106. — Оп. 1. — Д. 109. — Л. 651.
- (25) Там же. — Д. 167. — Л. 319 об.
- (26) ГАПО. — Ф. 17. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 308.
- (27) ГАСО. — Ф. 8. — Оп. 1. — Д. 73. — Л. 290.
- (28) Там же. — Д. 38. — Л. 66; Д. 79. — Л. 247.
- (29) Там же. — Ф. 8. — Оп. 1. — Д. 73. — Л. 244, 245.
- (30) Там же. — Ф. 106. — Д. 169. — Л. 504.
- (31) Там же. — Д. 169. — Л. 570.
- (32) Там же. — Д. 169. — Л. 607.
- (33) Там же. — Д. 169. — Л. 576, 606 об.
- (34) Горловский М.А. Горный город Екатеринбург. 1807—1863. — Свердловск, 1948. — С. 44; ГАПО. — Ф. 21. — Оп. 1. — Д. 136. — Л. 4—4 об.; Ф. 512. — Оп. 1. — Д. 90. — Л. 11-11 об., 35.
- (35) ГАСО. — Ф. 106. — Оп. 1. — Д. 41. — Л. 8, 52.
- (36) ГАСО. — Ф. 8. — Оп. 1. — Д. 73. — Л. 443.
- (37) Там же. — Ф. 106. — Оп. 1. — Д. 79. — Л. 61—61 об., 92.
- (38) Там же. — Ф. 8. — Оп. 1. — Д. 46. — Л. 36; Ф. 106. — Оп. 1. — Д. 38. — Л. 155; Д. 39. — Л. 168 об.; Ф. 644. — Оп. 1. — Д. 22. — Л. 1; см. также Минаенко Н.А. Черты общественного быта г. Шадринска (конец XVIII — начало XX в.) // Уральский город XVIII — начала XX в.: история повседневности. — Екатеринбург, 2001. — С. 50.
- (39) ГАПО. — Ф. 17. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 188; Ф. 512. — Оп. 1. — Д. 90. — Л. 11 об.
- (40) См. г. Екатеринбург — 26 человек, 1792 г. ГАСО. — Ф. 106. — Оп. 1. — Д. 72. — Л. 184; г. Шадринск — 1790 г. 19 человек; Минаенко Н.А. Черты общественного быта г. Шадринска (конец XVIII — начало XX в.) // Уральский город XVIII — начала XX в.: история повседневности. — Екатеринбург, 2001. — С. 62—63.
- (41) ГАСО. — Ф. 106. — Оп. 1. — Д. 38. — Л. 58; Д. 39. — Л. 22 об.
- (42) Там же. — Д. 41. — Л. 49.
- (43) Там же. — Д. 41. — Л. 1, 5.
- (44) Там же. — Д. 41. — Л. 12, 16.
- (45) ГАПО. — Ф. 17. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 8, 16, 191.
- (46) ГАСО. — Ф. 106. — Оп. 1. — Д. 41. — Л. 52, 82; Д. 79. — Л. 187 об.
- (47) Там же. — Д. 167. — Л. 589 об.
- (48) Там же. — Д. 39. — Л. 106 об.
- (49) Там же. — Д. 46. — Л. 17 об.
- (50) Там же. — Д. 39. — Л. 104.
- (51) ГАСО. — Ф. 8. — Оп. 1. — Д. 46. — Л. 167 об., 169.
- (52) Там же. — Ф. 106. — Оп. 1. — Д. 169. — Л. 431 об.
- (53) Там же. — Д. 169. — Л. 422.
- (54) Там же. — Ф. 644. — Оп. 1. — Д. 22. — Л. 9 об.
- (55) Там же. — Ф. 106. — Оп. 1. — Д. 167. — Л. 583 об. — 584; Д. 168. — Л. 36.
- (56) Там же. — Д. 38. — Л. 35, 118 об.; Д. 46. — Л. 78 об., 108.
- (57) Обязать к такому служению их могли в городском магистрате — в случае, если денег от проданного имения оказывалось недостаточно для погашения долгов. См. ГАСО. — Ф. 106. — Оп. 1. — Д. 168. — Л. 551 об.
- (58) ГАСО. — Ф. 106. — Д. 169. — Л. 508.

**«THE TAKING PART IN DIFFERENT MUNICIPAL SERVICES»
PARTICIPATION OF THE PETTY BOURGEOISIE
IN THE MUNICIPAL GOVERNMENT SYSTEM
OF THE RUSSIAN PROVINCE IN THE LATE XVIII
AND THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY
(based on the Archives of the Province of Perm)**

E.Y. Lebedenko

Humanitarian University

Studencheskaya Str., 19, Ekaterinburg, Russia, 620049

This article is dedicated to the problem of participation of the petty bourgeoisies in the system of municipal government in the pre-reform period of the late 18th and the first half of the 19th century. The author analyses activity of such estate institutions as the «gradskoe Society» and «posadskaya Community» from the viewpoint of their power and membership conditions. The article presents a comparative analysis of petty bourgeoisie societies' activity in different russian cities and puts emphasis on the high level of the bourgeoisie's engagement in the work of local self-government.